

Глеб Иванович Успенский

Старьевщик

Глеб Иванович Успенский

Старьевщик

Серия «Столичная беднота», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664675*

Аннотация

«...посреди двора стоит старьевщик. В теплой дубленке, в теплом картузе и валенках, он не боится холоду и поэтому не спеша попевает свою песенку:

– Сстаррова тряпья... старых сссапгагов нет ли продавать?

Попоеет-попоеет, поправит подмышкой аккуратно сложенный кулечек и поведет глазами по окнам, преимущественно заглядывая или вверх под крышу, или вниз в подвал, откуда печально смотрят эти микроскопические продолговатые оконца, летом сплошь забрызганные грязью, а зимой скрывающиеся за напухшею грудюю снега, льду и сосулек. ...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Глеб Иванович Успенский

Старьевщик

(Из московской жизни)

Зима, жгучий мороз.

Задолго еще до первого колокола, до первого визга извозчичьих саней по закаленному лютым морозом снегу начинается жизнь на столичном дворе. В грязных клетушках, в нижних этажах, где гнездятся сапожники и портные, напоминающие миру о своем существовании скромною вывеской, уставившейся своим золотым сапогом или растопыренными ножницами куда-нибудь в стену, в кучу дров или в такой угол, куда с незапамятных времен не забредала ни единая человеческая нога, – в этих-то сырых подземельях, обдающих свежего человека какою-то кислятиной вместо воздуха, прежде всех просыпается людское горе, с вечера «звонко» залитое в кабачке под известным заглавием: «Уединение», «Мечта», «Перепутье». Просыпается оно в тощей фигурке сапожника Сидора Иванова, портного Ивана Сидорова и, запахиваясь рваным халатом, сквозь который мороз запускает свои колючие, как иглы, лапы, ежась, бежит опохмелиться, «поправиться», обыкновенно пуская ребром последний пяточок, а за отсутствием его – собственный жилет, сапожную колодку, женин платок и вообще все, что ни

подвернется под руку. А навстречу ему уютное пристанище с отрадной надписью: «распивочно» давно уже распахнуло свои гостеприимные объятия и ежеминутно погребает за своей почерневшей дверью весь этот болеющий люд, испугавшийся при дневном свете собственного безобразия и старающийся куда-нибудь скрыться даже от самого себя. Этот же внутренний испуг заставляет до свету убраться со двора увлеченную юнкером Тесаковым камелию, вчера же претерпевшую множество оскорблений от высоконравственной хозяйки, у которой господин Тесаков нанимает комнату и которой уже давно ничего не платит. Виляя своею измятою юбкою, нетвердою поступью бежит она через двор и, выйдя за ворота, направляется в сторону «Крымского ада»¹.

Где-то ударили к обедне. Жизнь на дворе шумит сильнее и сильнее: тащится с салазками молочница; со скрипом въезжает водовоз вместе с бочкой, составляющей как бы один довольно объемный кусок льду; медленно плетется на дровнях с угольями весь почерневший от соседства с ними мужик и, став посреди двора, громко кричит: «уголь!», выставляя при этом свои белые, как снег, зубы. Просыпаются рачительные хозяева и спешат на рынок, причем, выйдя за ворота, крестятся и кланяются на все четыре стороны. Просыпается харчевник Кузьма Шестов и выкатывает собственную трехобхватную особу на крыльцо, находя почему-то нужным по-

¹ «Крымский ад» – название трактира близ улицы Грачевки (упоминание этой улицы было в первоначальной редакции рассказа).

чесаться непременно в виду всей улицы. Он так толст, тучен, жирен и тепел, что от него идет как бы дым и пар, в то время как исхудалого оборванца жжет, щиплет и душит лютый мороз. Из-под извозничьих полозьев несется неумолкаемый визг и как бы какой-то бесконечной визгливой струей вьется над всем городом. Из труб медленно ползут кверху столбы дыма, застилая собою небо, и сквозь эту дымную занавеску тускло смотрит, колеблющимся пятном, красное солнце морозного дня.

В это время посреди двора стоит старьевщик. В теплой дубленке, в теплом картузе и валенках, он не боится холоду и поэтому не спеша попевает свою песенку:

– Сстаррова тряпья... старых ссаппагов нет ли продавать?

Попоеет-попоеет, поправит подмышкой аккуратно сложенный кулечек и поведет глазами по окнам, преимущественно заглядывая или вверх под крышу, или вниз в подвал, откуда печально смотрят эти микроскопические продолговатые оконца, летом сплошь забрызганные грязью, а зимой скрывающиеся за напухшею грудой снега, льду и сосулук.

Смотрит старьевщик, постукивает нога об ногу и снова тянет свою песенку, и поет он ее таким заунывным голосом, так плакуче, что ее слышит только та непроходимая голь-нищета, у которой вся надежда на существование – это старые голенища, да и то тогда только, когда за них сподобит господь заполучить копеек двадцать.

Где-то вверху открылась форточка, женский пискливый голос позвал старьевщика, и скоро он, шагая по грязной, обмерзлой лестнице, расспрашивал у добрых людей: «Как пройти в квартиру мещанки Слезовой?»

* * *

Мещанка Слезова сама утверждала, что господь наложил на нее особый крест, который она должна нести до гроба. Крест этот она называла совестью.

– Наделил меня, батюшка милостивый, наделил! – говорила она. – И столь он, батюшка милостивый, наделил меня, что всякий может мне на шею сесть! – добавляла она, заливаясь горячими слезами.

Не носи она этого креста, ей не нужно было бы теперь сбывать оставшийся после покойника мужа хлам, потому что сама она с голоду не умрет: женщине много ли нужно? «Так, пожевала-пожевала что-нибудь всухомятку – и сыта». А на это, разумеется, хватит; стало быть, с этой стороны и толковать нечего. Но ее постоянно мучит постоялец, отставной прапорщик Волшебнов, непременно требующий обеда, да еще старуха Митревна, уже третий день проклинаящая, лежа на печи, и жизнь свою сибирную, и соседей, и хозяйку, – старуха, которая ежеминутно молит бога о смерти, и притом только потому, что в эти три дня ей не удалось потешить чайком свою ветхую утробу... Можно было бы уладить дело

и с этой стороны, можно было бы доложить Волшебнову, что уверение в благородстве хоть и важная вещь, но что в лавочке за него не дадут и ваксы на две копейки. Да и Митревну можно было бы посдержать, напомнив, что, «мол, я, Слезова, не из корысти держу тебя, не из корысти пою-кормлю, а только ради холода твоего да голода, соболезнаю твоему горю, от которого и самой некуда деться...»

Но, видно, так уже была устроена Слезова, что мысли о заступничестве за собственный карман она никаким образом не допускала близко к себе, и потому-то ежеминутно терзалась и голодным желудком прапорщика и жаждою старухи. В подобные минуты ей даже казалось, что на неё с укором смотрят и холодная печка, и пустые горшки, и согнутый на сторону самовар... «Что же ты, говорят будто бы эти враги, топи, что ль, меня? А! тебе нечего варить во мне, хозяйка тоже!.. Тьфу ты! вот что ты, а не хозяйка!..» А занятые третьего дня у соседки три куса сахара... Господи! – какими камнями лежат они на ее честной, правдивой душе!

Сообразив такое состояние людей, обитавших в кухне, читатель, может быть, поймет, что небесная помощь, в каком бы то ни было виде, здесь ждется всеми, и поэтому очень естественно, что старьевщика, как воплощающего в своей плутоватой фигуре эту помощь, приняли здесь с распростертыми объятиями.

– Куда тут? как бы кадушку-то не того... опрокинешь неравно! – говорил он, влезая в кухню и втаскивая с собою

тучу холода, которым и без того изобиловало жилище Слезовой. Шурша своим точно железным от мороза тулупом, на ходу зацепляя им ухват, сковородник и кочергу, старьевщик вступил в соседнюю комнатку, до того микроскопическую, что помещавшиеся в углу образа занимали чуть не целую ее треть. Тут же стояла кровать, а на стене болталось зеркальце, имевшее особенную способность стягивать все черты лица в одну точку, к концу носа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.